

ДУША НАРОДА КЛУБОК ИЗ СКАЗКИ

шея смело раздвигала рамки привычного для татарского народа музыкального языка, его музыка сразу же находила доступ в сердца слушателей. Композитор носил звание народного артиста, и это означало не только официальное признание его заслуг. Сайдашев был в полном смысле слова народным артистом, и популярность его сравнима с популярностью лишь немногих. «Тукаем» татарской советской музыки называл его А. Кутуй. Соратники Джалиля по борьбе в фашистском плену рассказывают, что для пленников музыка Сайдашева звучала как символ Родины, как воплощение самых дорогих, близких сердцу воспоминаний.

Истоки широкой популярности музыки Сайдашева лежат в разных плоскостях. И в первую очередь, разумеется, нужно сказать, что это был по-настоящему талантливый, щедро одаренный природой музыкант.

По свидетельству современников, композитор любил и глубоко понимал народную

музыку. Песни он пел вместе с матерью, подбирал их на гармонии, ребенком слушал их в Восточном клубе. Понимать их красоту учил его Загидулла Яруллин. А в 15 лет Сайдашев сам исполнял народные песни в спектаклях татарской труппы. Он знал народную песню «изнутри», умело развивал скрытые в ней потенциальные возможности, поэтому его музыка входила в народ легко, просто и при своей новизне не оскорбляла слух неестественностью интонаций.

Необычайная органичность языка и стиля С. Сайдашева определяется не только тем, что композитор опирался на устои музыки, но и тем, что он превосходно знал историю и искусство своего народа, его общую духовную культуру, его психологию, внутренний мир. Еще в детстве в доме своего дяди Шигапа Ахмерова Салих встречался с выдающимися татарскими писателями Г. Тукаем, Ф. Амирханом, Г. Ибрагимовым. Он хорошо знал их творчество, особенно

увлекался поэзией Тукая. Сопутничая с различными театральными труппами, он общался с крупнейшими татарскими актерами — Г. Караевым и Н. Сакаевым, Камалом I, Камалом II и С. Айдаровым — в Буинске, Б. Тархановым и Х. Абжалиловым — в Оренбурге. Работая в академическом театре, Сайдашев хорошо узнал национальное татарское искусство и находился в творческой дружбе со многими драматургами. Человек глубокой внутренней культуры, отличный знаток татарской классической и советской литературы, Сайдашев жил интересами всей художественной интеллигенции. Истоки глубокой национальной почвенности творчества Сайдашева определяются и его связью с родной литературой и театром.

Татарский народ безгранично любил Сайдашева, и это было ответом на такую же безграничную любовь композитора к людям. Он любил детей, своих товарищей, никогда никого не обидел резким словом, был доброжелате-

лен и деликатен в общении. И несмотря на огромную популярность, всегда оставался скромным и приветливым человеком. Эти свойства его характера также не могли не отразиться на его произведениях. Они идут непосредственно от души благородного и гуманного человека, они полны неподдельного, самого искреннего чувства, и именно это обеспечивает им подлинную жизнеспособность в народе.

Мы стали свидетелями необыкновенного бурного роста национальной музыкальной культуры. Татарским композиторам подвластны все музыкальные жанры, многие свободно владеют современной композиторской техникой. Но среди самых совершенных сочинений настоящего и будущего всегда будет звучать музыка Салиха Сайдашева, бесхитростная и глубокая, как народная песня.

Сайдашев стоял у истоков татарской профессиональной музыки, и в достижениях на-

шего сегодняшнего искусства есть большая доля его творческого труда. Творчество Сайдашева подготовило благодатную почву для молодого поколения татарских композиторов, и во многом благодаря его достижениям стали возможными постановка вопроса о подготовке в республике музыкантов высшей квалификации и столь стремительный взлет музыкальной культуры в 30-е годы, когда одна за другой появлялись замечательные песни М. Музафарова, Дж. Файзи, З. Хабибуллина, когда осваивались высшие формы и были созданы, ставшие уже национальной классикой, опера Н. Жиганова «Алтынчеч» и балет Ф. Яруллина «Шурале».

В своем последнем сочинении Сайдашев постарался вслед за Джалилем: «Жизнь моя была одной прекрасной песней». Неумирающей песней живет его искусство в сердце татарского народа.

Ю. ИСАНБЕТ,
Старший преподаватель Казанской государственной консерватории.

На снимке: после I съезда композиторов Татарии, 1948 год. Первый ряд (слева направо): Ю. Виноградов, Н. Жиганов, С. Сайдашев, М. Музафаров, А. Ключарев. Второй ряд: А. Рыжнин, Х. Валиуллин, А. Леман, З. Хабибуллин, Дж. Файзи.

ПЕВЕЦ ЖИЗНИ

Вот уже прошло 16 лет, как ушел от нас этот талантливый и обаятельный, милый и человечный человек. Но он продолжает жить среди нас. Кажется, вот сейчас откроется дверь, и он войдет в нашу комнату и, мягко улыбаясь, спросит: «Как дела, джаннисяк?» (слово «джаннисяк» — душевная — было его любимым словом в обращении к друзьям). Если Салих Сайдашев в жизни был глубокомысленным, широко эрудированным и смелым композитором-новатором, то в окрыляющей человеческие сердца своей музыке он был поэтом, истинным певцом жизни и борьбы. Когда смотришь на портрет Сайдашева, мастерски и талантливо исполненный художником Г. Мелентьевым, оживают в памяти светлые воспоминания о нем.

...Стоило лето 1944 года. Мы — на передней линии Ленинградского фронта. Бой шло на эстонской земле под городом Тарту. Нам было приказано, сокрушив мощное вражеское укрепление, открыть дорогу своим войскам для продвижения вперед. Как только артиллеристы успешно справились со своей задачей, тут же по лабиринтам окопа разнеслись пленительные звуки. Боевые ребята из музвзвода исполняли очаровательную мелодию. Наша пехота даже не заметила, как под действием этой музыки дружно рванулась вперед. Что за музыка была? И кто ее создал? Никто из нас об этом не знал.

Ответ на свои вопросы я смог получить только через год, в июне сорок пятого, тогда я, как представитель Ленинградского фронта и молодой поэт, приехал на празднование 20-летия Татарстана — мы, гости, собрались на площади Свободы. Фанфары известили о начале торжества. А потом зазвучала музыка. О, как она была близка и знакома! Где я ее слышал? Тут же вспомнил: она же под городом Тарту поднимала в атаку наших солдат! Я, волнуясь, спросил у рядом стоящего товарища: «Вы не знаете, чья это музыка?» Мой сосед с гордостью ответил: «Это — знаменитый «Марш Советской Армии». А написал его Салих Сайдашев. Он он, видите», — указал сосед на человека, стоящего на трибуне.

После торжества мы подошли к композитору. Солнечная улыбка Сайдашева сразу пленила нас.

Он жил и творил в Казани. Но его пламенные песни, в том числе популярный «Марш Советской Армии», прогремев на передней линии борьбы, вместе с нами в окопах Великой Отечественной войны ковали победу, вдохновляя наших солдат на героическую борьбу с фашистами. Славное имя и немеркнущие творения незабвенного Салиха Сайдашева бессмертны, как сам народ.

Мы, сыновья Татарии любимой, в боях, в походах много стран прошли. И Ваши песни в сердце пронесли мы — Мелодии своей родной земли. Мы слушали в окопах песни Ваши. Под свист снарядов и под взрывы мин! Под музыку сайдашевского марша Ворота открывали мы в Берлин. Война затихла. Мы в Казань вернулись. И здесь однажды, в предвечерний час, Увидев Вас на перекрестке улиц, Вам руку жал, благодарил я Вас За музыку! За то, что в Ваших песнях Душа народа плещет через край. Вы для татар — Чайковский — свой, чудесный. Ведь Вы в татарской музыке — Тунай.

Я счастлива, что живу в стране свободной, Что с Вами я в семье творил одной, Лауреат большой любви народной Салих Сайдашев — гений наш родной! Махиуд ХУСАНН.

В ТЕ ГОДЫ

Октябрю не было и десяти лет. Юношеский, двадцатилетний возраст татарского театра. У него еще нет ни славного звания «академический», ни ордена, ни громкого титула «имени Галиаскара Камала». Галиаскар абзы и сам еще жив; не только жив — работает, не зная усталости.

В один из таких дней в театре (в помещении нынешнего ТЮЗа) состоялся концерт. В нем участвовали и мы, студенты театрального техникума. Судя по бурным аплодисментам, мы довольно успешно изображали уток. Правда, один попытался положить «в бочку меда каллю дегтя», дескать, мы... «утки театрального училища»... И кто бы, вы думаете, так сказал? Такой же тонкий, как мы, юноша, разница лишь в том, что на шее у него был черный бантик. А в те годы шла беспощадная борьба не только с такими «перевитками капитализма», как бантики, но даже галстуки считались признаком мещанства. И вот, оказывается, мы для этого пижона с бантиком «утки театрального училища». Габаши абзы, видимо, сразу заметил наш гнев, потому что сказал насмешнику: — Ты погоди смеяться, Салих! Увидишь, настанет время, когда они соловьями станут...

Позже я понял, что этот, красивый души, жизнерадостный человек — большой шутник и остроумец.

Летние месяцы были обычно насыщены гастрольными выступлениями. Казанские артисты выезжали в другие города, а в освободившихся зданиях каж-

дую неделю проводились концерты какого-нибудь известного артиста. Здесь я и встречался с Салихом. Затем наше знакомство окрепло. Дело в том, что он был художником большого диапазона и работал в тесной связи со всеми видами искусства. Он горячо любил литературу, театр, был в большой дружбе с писателями, артистами. Эта дружба ценна не только как биографический факт жизни Сайдашева — она имеет значение для истории развития театра, литературы как творческое содружество. Это содружество Сайдашева с поэтами, драматургами Каримом Тинчуриним, Фатхи Бурнашом, Хали Тукташем, Аделем Кутуем, Тази Гиззатом явилось новым и очень знаменательным событием в развитии татарского театра. Пьесы «Потухшие звезды», «Хусан Мирза», «Голубая шаль», «Родина», «Наемщик», «На берегу Кандра», созданные в содружестве авторов с композиторами, заслужили горячее признание тысяч зрителей татарского театра и сделали Сайдашева любимым в народе композитором. Да, Сайдашев получил в музыке славу Тукая, как отмечал А. Кутуй.

Характерная черта Сайдашева как пропагандиста музыкального искусства — умение пробуждать в людях любовь к музыке. В истории татарского театра был такой период, когда зрители ходили на спектакли, главным образом, ради музыки Салиха Сайдашева. Уже это влекло к нему всех писателей — маленьких и больших.

Осенью 1928 года меня призывали в ряды Красной Армии. В дни праздников я отправлялся в город, сменил в Татарский государственный академический театр. Однажды Сайдашев пригласил меня в свой кабинет. Театр только что переехал из тесного помещения в новое здание — бывший Дворец Красной Армии. Заведующий музыкальной частью Салих Сайдашев тоже разместился со своим ролей в одной из просторных комнат. Сначала он сыграл мне несколько новых своих произведений. Затем завязалась беседа. Я был уже одним из молодых драматургов, моя пьеса была поставлена на сцене татарского театра. Естественно, Сайдашева не могло не нитесь, над чем я работаю теперь, надев шинель и шлем. Оказалось, он и сам задумывался о марше для Красной Армии. Слово в этой беседе укрепилось решение написать пьесу из жизни Красной Армии. Салих, как говорится, зажег меня.

— Напиши-ка, Габдрахман, оркеструет. Марш Сайдашева звучит пьесу, в которой был бы маршевый эпизод и несколько других ходных песен...

И вот наступил этот день. Свое новое произведение «Шлем» я представил на художественный совет татарского театра. Произведение прочитали, хвалили и критиковали. Начались репетиции. Постановщик был назначен страстным и беспокойный по натуре, горячий поборник нового, режиссер-коммунист Валеев-Сульва.

Сайдашев, забыв обо всем на свете, создавал музыку к пьесе.

У него была одна изумительная черта: в процессе работы он то и дело приглашал автора в свой кабинет, чтобы сыграть какой-то отрывок, посоветоваться. В другой раз снова звал: «Послушай-ка, я по твоему совету кое-что изменил...».

Хочу остановиться на одном эпизоде, особенно характерном для творческой биографии Салиха Сайдашева. Это — кульминация красновармейцев на спектакль «Шлем». Тот вечер до сих пор у меня перед глазами.

Театр. В его больших залах, фойе, на лестницах, в гардеробной, буфете, коридорах стоял гул, оживление. Куда ни глянь — всюду зеленые гимнастерки, гулко топчущие солдаты. А когда в зале погас свет и на сцене начались эпизоды из жизни Красной Армии, родилась внутренняя близость между залом и сценой, которая все росла, ширилась, дойдя к финалу до апофеоза.

Финал! От марша Сайдашева дрожат стены театра. Красноармейцы маршируют по сцене. Салих встает и бурно аплодирует. Марш Сайдашева звучит в зале красновармейцев под впечатленным ходных песен...

Раздаются голоса: «Сайдаш! Сайдаш!» Немного ошеломленности, Салих скромно, как виноватый, выходит на сцену. Зал гремит. Слух ловит реплики солдат: «Ой, парень, да ведь он совсем такой же, как мы, этот Сайдаш! Откуда берется у него такое, а?»...

Габдрахман МИНСКИЙ.